

В ПОИСКАХ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВА: ДЕБАТЫ О ПРИРОДЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

Статья посвящена анализу аргументов зарубежных правоведов о природе и преимуществах инклюзивного правового позитивизма как правовой теории, обосновывающей существование моральных оснований правовой системы. Рассмотрены примеры из судебной практики, а также ключевые теоретические подходы, раскрывающие необходимые и достаточные признаки инклюзивного правового позитивизма, а также его предметную специфику и базовые положения о связи между правом и моралью. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта НИУ ВШЭ «Прикладная этика».

Ключевые слова: право, мораль, инклюзивный правовой позитивизм, эксклюзивный правовой позитивизм, моральные основания права, судебское усмотрение, Г. Харт, У. Валучов, К. Химма.

1. Введение в правовой позитивизм. В аналитической философии права второй половины XX в. правовой позитивизм претерпел необычную и несколько странную эволюцию. Если в процессе своего зарождения базовые аргументы правового позитивизма (в интерпретации Дж. Остина [1] и отчасти И. Бентама [2]) предполагали жесткое разделение права и морали, а также обоснование различия между источниками появления правовых и моральных обязательств, то позднее позитивистская аргументация становится более гибкой и изменчивой. Для современной дискуссии гораздо важнее найти не окончательное решение вопроса о том, поглощается ли мораль правом, или же наоборот¹ (ведь у права неизбежно присутствуют моральные основания), а прояснить природу различных версий позитивистской аргументации. Такой подход впервые сложился с выходом в свет в 1955 г. известной научной статьи Герберта Харта «Существуют ли естественные права?» [4], вокруг которой развернулась многолетняя дискуссия.

Ключевой аргумент Харта, вызвавший теоретические разногласия, состоял в том, что среди субъективных прав, конституируемых правилом признания (чаще всего нормами Конституции), можно обнаружить и такие моральные права, которые по своей природе естественные и остаются таковыми (право на свободу). Последующие 'уступки' теории Харта, связанные с признанием минимального морального содержания в праве, обострили дебаты вокруг методологических оснований правового позитивизма и поиски объективных моральных оснований в праве [5]. Иллюстрацией к ним стала дискуссия Харта с Патриком Девлином о пределах государственного принуждения с помощью уголовно-правовых мер и вмешательства в частную жизнь

граждан, делящаяся вплоть до настоящего времени [6].

Современный правовой позитивизм превратился в крайне неоднородное философско-правовое течение, внутри которого отсутствуют четкие методологические границы и критерии тематической принадлежности. Именно поэтому, с одной стороны, в число позитивистов легко попадает Рональд Дворкин с его попытками написать летопись истории позитивизма после Харта; теоретики 'нового естественного права' Лон Фуллер и Джон Финнис, вынужденные разделять ряд тезисов и аргументов правового позитивизма в своих рассуждениях, а также новые реалисты в лице Брайна Лейтера, своей аргументацией предлагающего новую версию сближения реализма с позитивизмом в сфере философии права. Статья Кеннета Химмы «Логика доказательства утверждений о возможном: аргумент в пользу инклюзивного юридического позитивизма и моральных оснований права» является одной из попыток философскими методами зафиксировать критерии определения природы и оснований *инклюзивного правового позитивизма* как научно-исследовательской программы, убедительно решающей вопрос о соотношении морали и права по сравнению с другими исследовательскими подходами. Ведь, по мнению Химмы, «концептуальная юриспруденция является ничем иным как метафизикой права» [7, р. 87].

Само по себе разделение современного правового позитивизма на две ветви — эксклюзивный и инклюзивный, окончательно оформившееся в 70-е гг. XX века с появлением ключевых трудов Джозефа Раза, на первый взгляд может показаться условным. Дело в том, что из первоначальных аргументов Харта, изложенных в книге «Понятие права» [8], следо-

вало, что в структуре правовой системы существует лишь два уровня юридических правил (первичные и вторичные), позволяющие судам разрешать любые казусы и споры исключительно внутри самой системы правил. Таким образом, в правовой системе не было определено место правовых принципов, которые по своей природе отличаются от правовых норм и правил, так как содержат оценочные критерии и чаще всего могут выражать закрепленные в позитивном праве правовые ценности. Последующие оговорки Харта в полемике с Дворкиным о том, что правовые принципы можно без особых трудностей 'включить' в правовую систему наряду с правовыми нормами, не снимали вопрос о том, можно ли в содержании правовых принципов обнаружить моральные основания права или необходимость учета моральных аргументов при принятии судебных решений. Сторонники эксклюзивного правового позитивизма (Джозеф Раз, Андрей Мarmor и Скотт Шапиро) полагали, что право не может включать в себя принципы, и если даже бывает так, что закон отсылает к принципам, то судья фактически выступает в роли законодателя, который должен с помощью толкования данных принципов урегулировать возникший правовой спор [9–11]. В эксклюзивном правовом позитивизме *не остается места для превращения моральных принципов в правовые, поскольку природа права проистекает из социальных фактов и особых видов источников права*. Право и мораль являются разными регуляторами поведения людей, в связи с чем исключена возможность даже частичного совпадения их границ. Инклюзивный правовой позитивизм (Мэтью Крамер, Джулс Коулман, Уилфрид Валучов и Кеннет Химма) возникает как теоретическая позиция, *допускающая концептуальную возможность использования моральных критериев для определения действия и содержания права* [12–14]. Наиболее оригинальное обоснование этой позиции с точки зрения судебной практики и теории семантики возможных миров можно увидеть в трудах Валучова и Химмы, а контраргументы в пользу ошибочности такой аргументации — в работах Дворкина.

2. Тезис о включенности морали. В качестве критерия, определяющего природу аргументации инклюзивного правового позитивизма, Химма предлагает обоснование тезиса о включенности морали [7, р. 78–79]. Сам по себе этот тезис предполагает *концептуальную возможность моделирования* правовой системы с моральными основаниями права, но не конкретные неопровержимые аргументы. Именно поэтому к сторонникам такого тезиса легко отнестись Дворкина, обосновывающего моральные основания любой правовой системы с различными вариантами превращения моральных ценностей и моральных принципов в правовые предписания. К сожалению, Химма в своих трудах последних лет не допускает такой возможности, полагая, что он полемизирует с Дворкиным, а не занимает схожую с ним позицию. Так, среди ключевых вопросов, которые с необходимостью нужно решать в части соотношения права и морали, Химма называет обоснование статуса оснований права в качестве правовых, что подчеркивает особый характер *юридической действительности* правовых предписаний (в отличие от эмпирических фактов) [7, р. 80]. Следующий вопрос, требующий решения, — это определение причин надления правовым статусом каких-либо социальных предписаний или регуляторов. В случае с правовым позитивизмом именно

практика применения конвенциональных правил как условий принятия правовых решений выступает такой причиной. Однако очевидно, что и другие философско-правовые концепции могут сформулировать конвенционализм правил как средство принятия решений, поэтому данный вопрос не может служить значимым признаком инклюзивного правового позитивизма.

3. Эмпирические основания моральных суждений в праве. Существуют ли корректные примеры эмпирических оснований о моральных суждениях в праве? На чем основывается предположение о необходимости обоснования инклюзивного правового позитивизма? Так, Валучов в качестве примера использования моральных аргументов в принятии судебных и правовых решений приводит случаи из судебной практики о признании неконституционными положений законов базовому источнику права для правовой системы Канады — Канадской хартии прав и свобод. Моральная аргументация, по его мнению, регулярно используется при толковании Канадской хартии прав и свобод. Положения Канадской хартии должны интерпретироваться на основании тех объектов и интересов, которые она призвана защищать, что открывает определенный простор для использования этических стандартов поведения [12, р. 144–145]. Также можно отметить, что авторы Канадской хартии при перечислении основных прав и свобод использовали этическую терминологию, которая занимает важное место почти во всех современных моральных теориях. К таким этическим по содержанию понятиям относятся право на равенство, свобода, справедливость и многие другие. Поскольку данные понятия имеют моральную основу, Валучов приходит к выводу, что этические факторы могут включаться в содержание права [12, р. 143]. Более того, сами судьи руководствуются моральными суждениями при разрешении споров.

Примером моральной аргументации служит решение суда по делу *Andrews v. Law Society of BC*. В указанном деле рассматривался вопрос о том, противоречат ли требования наличия канадского гражданства для осуществления юридической практики положениям статьи 15 Канадской хартии прав и свобод, согласно которой *каждое лицо имеет равные права без какой-либо дискриминации* [12, р. 149]. В центре внимания суда находился вопрос о том, является ли требование канадского законодательства о наличии гражданства дискриминацией. Для ответа на него нужно было определиться с тем, что вообще следует понимать под дискриминацией, а значит, сам по себе ответ неизбежно должен был стать моральным по своему смыслу.

Суд рассматривал несколько определений дискриминации, среди которых выбрал наиболее подходящее. Такие определения имели этическое содержание [12, р. 150–152]. При этом судом было отмечено, что определение дискриминации должно быть объективным, то есть положение закона может быть признано дискриминационным, независимо от того, считают ли законодатель и те, кто действует под руководством закона, что он носит дискриминационный характер.

Убедительны ли аргументы Валучова в данном случае? Его интерпретация с точки зрения судебной практики не является строго аргументированной. Ведь понятие дискриминации могло использоваться по аналогии из других судебных решений, имеющих прецедентный характер. Само по себе толкова-

ние правовых норм в силу судебного усмотрения не будет поводом для ухода судей в моральную плоскость и этические оценки. Скорее наоборот, судьи будут пытаться придавать процессуальный и формально-юридический характер своим суждениям в мотивировочной части судебного решения, чтобы не столкнуться с моральным релятивизмом, очень часто сопровождающим любые размышления о справедливости или несправедливости конкретных правовых предписаний.

Другой вопрос состоит в том, что теория инклюзивного правового позитивизма могла бы выработать определенный подход к пониманию сущности моральных обязательств, оказывающих влияние на право и правовую систему. Ведь закон сам по себе редко содержит удачные и исчерпывающие по смыслу определения. Закон, закрепляя то или иное понятие, всего лишь отсылает к его определению в соответствующей сфере деятельности [15, с. 96–97].

Мораль может рассматриваться как предписание о должном поведении, либо в качестве описания существующих в обществе представлений. Но в любом случае для обоснованной теории важно аргументировать, к какому именно типу моральных предписаний может апеллировать суд при рассмотрении дел, в том числе о признании норм неконституционными. И в этой связи можно отметить несколько аргументов.

Во-первых, если бы суд исходил из понимания морали как регулятора социальных отношений, то ему бы каждый раз пришлось отыскивать в обществе подходящую этическую дефиницию. При этом, следует учитывать, что для морали характерна более высокая степень неопределенности, чем для юридического регулятора, поскольку в обществе, как правило, действует сразу несколько моральных установок, в том числе противоречащих друг другу. Но тогда совершенно неясно, каким образом суд будет разрешать коллизию между разными этическими дефинициями и выбирать из них наиболее подходящую. Допустим, суд сможет установить господствующую в обществе этическую установку. Означает ли это, что определение понятия должно отражать ее содержание? Очевидно, что нет, так как она может оказаться совершенно неприемлемой для целей правосудия.

Как же тогда суд может отыскать подходящее этическое определение? Единственным критерием его выбора является то, насколько гармонично оно вписывается в систему действующего права и сочетается с его принципами. А это означает, что суд при разрешении спора будет руководствоваться пониманием морали как предписанием о должном, а не сущем. Определение может отражать этическую установку меньшинства в обществе, либо суд и вовсе не сможет отыскать подходящую моральную установку, что, однако, не станет непреодолимым препятствием для принятия правового решения по процедуре. Следовательно, нет необходимости приниматься за поиски в обществе соответствующей этической нормы, достаточно подобрать определение, которое наиболее удачным образом вписывается в контекст системы права.

В решении Верховного суда Канады по делу *Andrews v. Law Society of BC* термин 'дискриминация' рассматривался в контексте всей системы права, в том числе во взаимосвязи с понятием 'равенство'. В решении суда при этом отмечено, что норма о запрете дискриминации должна толковаться

гибко, так как в будущем могут появиться новые случаи дискриминации, которые ранее не встречались в обществе². Это также свидетельствует о том, что суд исходил из идеального понимания морали при определении понятия дискриминации. Кроме того, толкование морали как актуально существующих норм создало бы дополнительные трудности для судей, поскольку тогда им пришлось бы заниматься поиском действующей в обществе моральной нормы.

Во-вторых, при понимании морали как существующих в обществе правил используемое в законодательстве понятие было бы поставлено в зависимость от действующих в обществе моральных стандартов. В случае их изменения суд будет вынужден отыскивать новую дефиницию, удовлетворяющую требованиям изменившихся норм этики. Валучов сам признает, что моральные аргументы, которые включаются в содержание права, тесно связаны с лингвистическим, философским и историческим контекстом [12, р. 145]. Таким образом, мы могли бы реконструировать следующую последовательность рассуждений Валучова: право тесно связано с моралью, которая, в свою очередь, обусловлена лингвистическим, философским и историческим контекстом. Изменение же контекста приводит к изменению содержания права, что делает его менее определенным и стабильным. Более того, право иногда рассматривается в качестве инструмента для смены этических стандартов в обществе. Однако такой подход сделал бы право зависимым от морали, что повлекло бы за собой полную утрату подобной функции.

Валучов считает, что моральные аргументы могут учитываться судами при определении содержания права. Инклюзивный правовой позитивизм предлагает более удачное, по его мнению, чем эксклюзивный позитивизм, теоретическое объяснение процедуры признания законов неконституционными в связи с их противоречием нормам Канадской хартии прав и свобод. Связано это с тем, что теория инклюзивного позитивизма обеспечивает лучший учет моральных аргументов, которые принимаются во внимание при признании закона неконституционным. Однако, что случится, если судьи станут вести себя иначе? Химма своими аргументами и цитируемыми фрагментами трудов Стивена Перри подвергает такой подход сомнению с точки зрения аргумента юридической действительности [7, р. 92]. Должны ли судьи при определении юридической действительности каких-либо предписаний обращаться к моральным аргументам? Очевидно, что строгих обязательств у них нет, ведь толкование правовых норм может осуществляться формально-юридическим путем или логически, кроме сложных и запутанных случаев. А это значит, что и границ между моральными суждениями о праве и суждениями юридическими в инклюзивном правовом позитивизме ничуть не больше, чем в рассуждениях Дворкина.

4. Рассуждения о возможном и перспективы обоснования инклюзивного правового позитивизма. Одним из главных аргументов Химмы после критики Дворкина и Валучова в пользу позитивного обоснования природы инклюзивного правового позитивизма является рассуждение о признании *логической возможности* существования правовой системы с моральными основаниями. Основываясь на нескольких смутных вариациях в отношении философской концепции семантики возможных

миров (как возможной методологической основы концептуальной юриспруденции), он полагает, что по аналогии с онтологическим доказательством бытия Бога как способа его постижения в логически непротиворечивом виде можно выделить свойства такой правовой системы. Например, одним из конструируемых свойств Химма признает моделирование правовой системы, где индивиды морально безупречны, даже если их реальное поведение не является таковым [7, р. 93–96]. В этом рассуждении уже заложено противоречие. Ведь если моральная безупречность как ценность не выступает основанием для склонности человека поступать морально правильно (а не просто поступать законно) в реальном мире, какие преимущества дает ее гипотетическое постулирование? По сравнению с эмпирическими аргументами из судебной практики, фиксирующими проблемы позитивистской интерпретации юридической практики, концептуальный аргумент о возможных мирах, в котором не бывает никаких противоречий, не привносит по своей сути ничего нового в понимание правовой реальности как этически нагруженного понятия.

Инклюзивный правовой позитивизм достаточно давно выступает предметом глубоких споров между представителями правового позитивизма. Однако, несмотря на изощренные и рациональные аргументы, теория инклюзивного правового позитивизма оказывается ограниченной и незавершенной. Причина такого положения дел кроется в ее направленности на решение лишь одного философско-правового вопроса — обоснования необходимой связи между правом и моралью. Этот вопрос оказывается второстепенным при рассмотрении структуры правовой системы или динамики правовых институтов, а также при использовании метода концептуального анализа с целью прояснения правовых понятий.

Примечания

¹На чем иногда настаивают некоторые современные философы, в частности Андрей Нехаев [3].

²Подробнее см. материалы дела *Andrews v. Law Society of British Columbia*, [1989] 1 S.C.R. 143.

Библиографический список

1. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 244 с.
2. Оглезнев В. В. Бентам об определении вымышленных сущностей и категориях Аристотеля // *Scholae*. 2019. Т. 13, № 1. С. 339–348. DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-339-348.
3. Нехаев А. В. Страсти по морали и юридический позитивизм: ответ Антону Дидикину // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 4. С. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111.

4. Харт Г. Л. А. Существуют ли естественные права? / пер. с англ. А. Б. Дидикина // *Философия и язык права*. Москва: Канон+, 2017. С. 116–134.

5. Himma K. E. Positivism and Interpreting Legal Content: Does Law Call for a Moral Semantics? // *Ratio Juris*. 2009. Vol. 22, Issue 1. P. 24–43. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2008.00410.x.

6. Devlin P. *The Enforcement of Morals*. Oxford: Oxford University Press, 1965. 168 p.

7. Himma K. E. The Logic of Showing Possibility Claims: A Positive Argument for Inclusive Legal Positivism and Moral Grounds of Law // *Revus – Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. 2014. № 23. P. 77–104. DOI: 10.4000/revus.2956.

8. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2007. 302 с. ISBN 978-5-288-04211-9.

9. Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // *The Yale Law Journal*. 1972. Vol. 81, Issue 5. P. 823–854. DOI: 10.2307/795152.

10. Marmor A. *Exclusive Legal Positivism* // *Positive Law and Objective Values*. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 49–70.

11. Shapiro S. J. On Hart's Way Out // *Legal Theory*. 1998. Vol. 4, Issue 4. P. 469–507. DOI: 10.1017/S1352325200001117.

12. Waluchow W. J. *Inclusive Legal Positivism*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 304 p.

13. Kramer M. H. In Defence of Legal Positivism: Law without Trimmings. Oxford: Oxford University Press, 2003. 313 p.

14. Himma K. E. The Rule of Law, Validity Criteria, and Judicial Supremacy // *Law, Liberty, and the Rule of Law* / Eds.: I. B. Flores, K. E. Himma. Dordrecht: Springer, 2013. P. 153–173.

15. Оглезнев В. В. Определение как способ формирования правовых понятий // *Труды Института государства и права РАН*. 2020. Т. 15, № 3. С. 92–105. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-ogleznev.

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин факультета права.

SPIN-код: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

Для цитирования

Дидикин А. Б. В поисках моральных оснований права: дебаты о природе инклюзивного правового позитивизма // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6, № 4. С. 119–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-119-123.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021 г.

© А. Б. Дидикин

IN SEARCH OF MORAL FOUNDATIONS OF LAW: DEBATE ON NATURE OF INCLUSIVE LEGAL POSITIVISM

The paper is devoted to the analysis of the arguments of foreign jurists about the nature and advantages of inclusive legal positivism as a legal theory that justifies the existence of moral foundations of the legal system. Examples from judicial practice are considered, as well as key theoretical approaches that reveal the necessary and sufficient features of inclusive legal positivism, as well as its subject specifics and basic provisions on the relationship between law and morality. The paper is prepared within the framework of the HSE research project «Applied Ethics».

Keywords: law, morality, inclusive legal positivism, exclusive legal positivism, moral grounds of law, judicial discretion, H. Hart, W. Waluchow, K. Himma.

References

1. Didikin A. B. *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura* [Analytical Philosophy of Law: Origins, Genesis and Structure]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2016. 244 p. (In Russ.).
2. Ogleznev V. V. Bentam ob opredelenii vymyshlennykh sushchnostey i kategoriakh Aristotelya [Bentham on Defenition of Fictitious Entities and on Aristotle's Predicaments] // *Scholae*. 2019. Vol. 13, Issue 1. P. 339–348. DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-339-348. (In Russ.).
3. Nekhaev A. V. Strasti po morali i juridicheskij pozitivizm: otvet Antonu Didikinu [Moral Passion and Legal Positivism: Reply to Anton Didikin] // *Omskij nauchnyj vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 94–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-94-111. (In Russ.).
4. Hart H. L. A. Sushchestvuyut li estestvennyye prava? [Are There Any Natural Rights?] / trans. from Engl. A. B. Didikin // *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law]. Moscow, 2017. P. 116–134. (In Russ.).
5. Himma K. E. Positivism and Interpreting Legal Content: Does Law Call for a Moral Semantics? // *Ratio Juris*. 2009. Vol. 22, Issue 1. P. 24–43. DOI: 10.1111/j.1467-9337.2008.00410.x. (In Engl.).
6. Devlin P. *The Enforcement of Morals*. Oxford: Oxford University Press, 1965. 168 p. (In Engl.).
7. Himma K. E. The Logic of Showing Possibility Claims: A Positive Argument for Inclusive Legal Positivism and Moral Grounds of Law // *Revus — Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. 2014. No. 23. P. 77–104. DOI: 10.4000/revus.2956. (In Engl.).
8. Hart H. L. A. Ponyatie prava [The Concept of Law] / transl. from Engl. by E. V. Afonasin, M. V. Babak, A. B. Didikin, S. V. Moiseyev. St. Petersburg, 2007. 302 p. ISBN 978-5-288-04211-9. (In Engl.).
9. Raz J. *Legal Principles and the Limits of Law* // *The Yale Law Journal*. 1972. Vol. 81, Issue. 5. P. 823–854. DOI: 10.2307/795152. (In Engl.).
10. Marmor A. *Exclusive Legal Positivism* // *Positive Law and Objective Values*. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 49–70. (In Engl.).
11. Shapiro S. J. On Hart's Way Out // *Legal Theory*. 1998. Vol. 4, Issue 4. P. 469–507. DOI: 10.1017/S1352325200001117. (In Engl.).
12. Waluchow W. J. *Inclusive Legal Positivism*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 304 p. (In Engl.).
13. Kramer M. H. *In Defence of Legal Positivism: Law without Trimmings*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 313 p. (In Engl.).
14. Himma K. E. The Rule of Law, Validity Criteria, and Judicial Supremacy // *Law, Liberty, and the Rule of Law* / Eds.: I. B. Flores, K. E. Himma. Dordrecht: Springer, 2013. P. 153–173. (In Engl.).
15. Ogleznev V. V. Opredeleniye kak sposob formirovaniya pravovykh ponyatiy [Defenition as a Tool of the Formation of Legal Concepts] // *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN. Proceeding of the Institute of the State and Law of the RAS*. 2020. Vol. 15, no. 3. P. 92–105. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-ogleznev. (In Russ.).

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Professor of School for Theory of Law and Cross-Sectoral Legal Disciplines of Law Department.

SPIN-code: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Correspondence address: abdidikin@bk.ru

For citations

Didikin A. B. In search of moral foundations of law: debate on nature of inclusive legal positivism // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 4. P. 119–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-119-123.

Received October 05, 2021.

© A. B. Didikin